

То, что Бай Иньфэн так быстро сбежал, немного огорчило его. Он ещё хотел обсудить с Бай Иньфэном, как добиться расположения того, кто тебе нравится. Но затем он подумал, что Бай Иньфэн и сам неопытен, возможно, у него даже меньше опыта, хотя его собственный опыт тоже не ахти — просмотрел несколько наборов весёлых картинок, но ничего не почувствовал; заходил в публичные дома и заведения с мальчиками, обнаружил, что проституток терпеть не может; в заведениях с мальчиками играл несколько раз, но ограничивался лишь связыванием верёвками и поркой, дальше не заходил.

Когда он обнаружил у себя такую склонность, Тан Сяоу сильно испугался и сразу же перестал этим заниматься. Но когда желание разъедало сердце, он совершенно не мог себя контролировать. Он предполагал, что это увлечение возникло из-за того, что ужасная похоть не находила выхода и постепенно искажалась, но ничего не мог с этим поделать.

В обычное время он мог очищать ум от посторонних мыслей только с помощью медитации, а когда уже совсем не мог терпеть, тайком бежал в заведение с мальчиками, чтобы немного выпустить пар. К счастью, юноши в таких заведениях были довольно изнеженными и слабыми, не очень соответствовали его вкусам, поэтому он быстро пресыщался.

Юнь Тао во всём был хорош, только сам он был подобен высокогорным льдам и снегам — одинокий, холодный, надменный. Если они действительно в будущем будут вместе, не то что играть с ним — даже заикнуться об этом, наверное, вызовет у него ярость.

Ладно, нельзя же, чтобы возлюбленный полностью соответствовал всем ожиданиям. Если он устраивает на девять десятых, это уже редкость, как на небе, трудно отыскать на земле.

К тому же, если они действительно будут вместе, желание найдёт выход, и он верил, что эта маленькая дурная склонность исчезнет сама собой.

Он сознавал, что такое увлечение неприлично, поэтому никогда никому о нём не рассказывал, даже Бай Иньфэну. Он боялся, что если Бай Иньфэн узнает, то заподозрит, не питает ли он к нему недобрых намерений, и между ними возникнет неловкость, а тогда он лишится лучшего друга на этом свете.

Однако теперь у него самого уже есть любимый человек, и он может немного приоткрыться Бай Иньфэну, сказав, что на самом деле ему нравятся мужчины. Наверное, когда он будет с Юнь Тао, Бай Иньфэн тоже порадует за него.

Что касается того, нравится ли он сам Юнь Тао, у Тан Сяоу была уверенность. Если бы не симпатия, разве человек, привыкший к роскоши и комфорту, стал бы в такой мороз трудиться и приезжать сюда, лишь бы увидеть его?

Они ещё договорились, что когда река растает, вместе пойдут плавать.

Пойти плавать сразу после ледохода — всё-таки слишком холодно, но раз Юнь Тао предложил это, значит, у него хорошее здоровье. Да и Юнь Тао — человек дисциплинированный, наверное, и телосложение у него неплохое. Хотя из-за обилия одежды ничего не разглядеть, Тан Сяоу мог представить, что наверняка не хуже, чем у Бай Иньфэна.

Всё из-за того, что Бай Иньфэн, бесстыдник, обнажал перед ним грудь. Как только он проводит сравнение, невольно начинает сравнивать с братом, это чертовски грешно.

Юнь Тао не занимался боевыми искусствами, и Тан Сяоу беспокоился, что он может простудиться на ветру. К тому же Юнь Тао действительно был очень занят, иногда они не

успевали и пары слов сказать, как уже кто-то приходил за ним, и он спешно уходил.

Тан Сяоу предполагал, что в большой семье в период праздников много дел, поэтому они виделись с Юнь Тао раз в десять-полмесяца.

Его мысли и думы были полны образом Юнь Тао, он только и надеялся, что река поскорее растает, и тогда они смогут видеться чаще.

Вот так, в ожидании, водопад в горах постепенно зашумел, лёд на реке у подножия горы потихоньку таял. На этот раз Юнь Тао долго не появлялся, а вот канун Нового года наступил первым.

Тан Сяоу был даосом, временно проживающим в храме. В храме Саньшань не было особых требований: в канун Нового года, закончив утреннюю службу, можно было уходить. Утром первого числа должна была состояться церемония благословения, на которой обязаны присутствовать все монахи, потому что многие высокопоставленные чиновники и знатные люди столицы придут наблюдать за обрядом, и тогда пожертвований, наверное, будет не счесть.

Такого красавца-монаха, как Тан Сяоу, с бессмертным обликом, непременно нужно было представить, но настоятель знал, что тот не любит скопления людей, к тому же храм Саньшань уже заработал на его алхимии огромную сумму, и обижать его было невыгодно, поэтому, скрепя сердце, он отпустил его с горы.

Спустившись с горы, Тан Сяоу знал, что Бай Иньфэн всё устроит как надо, поэтому ничего не покупал, а пришёл с пустыми руками.

Перед входом он увидел, что уже наклеены красные новогодние парные надписи и иероглифы «счастье», снег внутри и снаружи дома аккуратно подметён, из-за двери доносился соблазнительный аромат еды, и он невольно улыбнулся.

Когда они жили с матушкой в горной долине, Новый год отмечали именно так. Матушка отпускала их двоих погулять, а когда они возвращались, дома уже всё было готово.

Сейчас, кроме того, что матушки не было, вроде бы ничего не изменилось, а вроде бы всё становилось лучше.

В следующем году в это время их снова должно быть трое!

Когда Тан Сяоу прибыл, Бай Иньфэн всё ещё хлопотал на кухне. Уже было приготовлено несколько блюд: тушёная с редькой баранина, карп в соевой пасте, тушёная жирная курица с тофу и капустой. Поскольку Тан Сяоу не ел пельменей с луком-батуном, тем приготовили яичницу с луком-батуном; обжаренный в масле лук-батун имел не такой сильный запах.

Увидев, что Тан Сяоу пришёл, Бай Иньфэн улыбнулся:

— Вернулся домой? Тогда я могу начинать варить пельмени.

Тан Сяоу за дверью стряхнул с себя снежинки и с улыбкой потянулся рукой, чтобы дотронуться до задней части шеи Бай Иньфэна. Едва он добрался до ворота, как Бай Иньфэн молниеносно блокировал его запястье, и они мгновенно обменялись несколькими приёмами.

Бай Иньфэн закричал:

— Не дерись на кухне, обожжёшься — потом пеняй на себя!

Тан Сяоу изначально хотел, как раньше, дотронуться до него холодной рукой, но не ожидал, что боевые навыки Бай Иньфэна так высоки, внезапная атака не удалась, и он, расстроенный, сдался:

— Неинтересно.

— Я купил хлопушки и фейерверки, после еды пойдём вместе гулять.

В прошлый раз Тан Сяоу говорил, что хочет пойти за город играть с хлопушками, но после покупки продуктов ему сразу же захотелось есть, а поев, он не захотел двигаться и быстро убрался обратно на гору.

По традиции сегодня ночью полагалось бодрствовать, после ужина ближе к ночи сварить ещё пельменей для ночного перекуса, поэтому днём не нужно было наедаться до отвала, как раз можно было пойти погулять.

Согласно обычаю, рыбу нельзя было доедать полностью, чтобы символизировать изобилие каждый год, поэтому соевую пасту обычно делали более солёной, чтобы не съели всё в порыве чувств. В конце концов, почти все блюда со стола были съедены, остался лишь немного бульона, чтобы есть с пельменями во время ночного перекуса.

В ночь воссоединения семьи все домохозяйства сидели дома у огня, бодрствуя, на улицах были лишь спешащие домой прохожие. Шалуны поджигали хлопушки и бросали их в прохожих, то и дело раздавались радостные крики и ругань.

Дети, которые могли позволить себе много хлопушек, были не из бедных семей, а те, кто осмеливался подбрасывать их прохожим, и вовсе были из семей знати и чиновников.

Бай Иньфэн не мог этого выносить и сказал Тан Сяоу:

— Так и хочется отобрать у них хлопушки и запихать им всем за пазуху.

Тан Сяоу ответил:

— Нехорошо. Вдруг сам подорвёшься? Лучше привязать их к дереву и хорошенько выпороть — тогда угомонятся.

Произнося последнюю фразу, он говорил ледяным тоном, отчего сердце Бай Иньфэна почему-то забилось чуть быстрее; ему показалось, что эта интонация несколько странная, и он на мгновение задумался.

Они постояли и посмотрели ещё немного, и вскоре, как и ожидалось, тот неприятный прохожий тоже оказался знатным человеком. Обе семьи были равны по статусу, и в конце концов пришлось привлечь Ведомство Императорского города в качестве примирителя.

Посмотрев это интересное зрелище, оба почувствовали, что ещё не насмотрелись. Если бы не в столице, где любой мог оказаться тем, кого не стоит обижать, они бы, наверное, уже подошли и начали давать советы.

Поиграв с хлопушками, Тан Сяоу немного захотелось спать. Даосское учение придает большое значение поддержанию здоровья, обычно рано ложатся и рано встают. Он был готов

бодрствовать с Бай Иньфэном, но, наигравшись во всё, что хотел, он снова невольно вспомнил о Юнь Тао.

У Юнь Тао не было определённого времени, но если он собирался навестить его, то обязательно за день до этого присылал того юношу, что был рядом с ним, чтобы предупредить. Сегодня утром того юноши не было видно, поэтому он знал, что первого числа он точно не придёт, и Тан Сяоу больше не ждал.

Теперь он думал: завтра многие поднимутся в гору наблюдать за церемонией, не знаю, пойдёт ли Юнь Тао. Если он пойдёт, а я сегодня буду бодрствовать и не успею вернуться, разве не упущу его?

И ещё думал: хотя Юнь Тао часто бывает в храме Саньшань, но к поклонению Дао-предку относится не очень активно, да и дома у него много дел, в первый день Нового года он вряд ли будет свободен, как обычные люди.

Его мысли были беспокойны, и настроение стало подавленным.

Бай Иньфэн решил, что он просто хочет спать, и предложил ему сначала лечь в постель, а самому одному бодрствовать.

Не нужно было делить с Бай Иньфэном одну кровать, только поспать на его кровати — это было нетрудно.

Вернувшись домой, Тан Сяоу быстро залез на кровать. Бай Иньфэн принёс ему таз с водой для мытья ног, вытащил его, и тот, сонный, помыл ноги и снова рухнул на кровать.

В полночь все домохозяйства запускали хлопушки, грохот слился воедино, дым от пороха просачивался через щели в двери, и Тан Сяоу даже проснулся от удушья.

Бай Иньфэн, закончив с хлопушками на улице, вернулся, увидел, что тот проснулся, дал ему деньги на счастье, завёрнутые в красную бумагу, они поздравили друг друга, но их голоса почти заглушил грохот хлопушек за дверью.

<http://bllate.org/book/15610/1393543>